

DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-146-150

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. С. М. Заяц
г. Тирасполь, Республика Молдова

ВОЛОШИНСКИЙ ТЕКСТ НА СТЫКЕ СИМВОЛИЗМА И НЕОРЕАЛИЗМА

Аннотация: В статье прослеживается творчество поэта Серебряного века, вошедшего в русскую литературу XX в. «как себя забывшего бога»; рассматриваются тексты Максимилиана Волошина на стыке литературного направления (символизм) и метода изображения действительности (неореализм); показан духовный путь Максимилиана Волошина на «вещих перепутьях» порубежной эпохи, когда текст и жизнь сливались воедино и наоборот; выявлено мифотворчество поэта, которое является сущностью его поэтического мировоззрения, представлявшего собой слепок эпохи Серебряного века, но при этом сохранявшего оригинальность и уникальность взгляда на мироздание.

Ключевые слова: Волошинский текст, формотворчество, сотворчество, символизм, неореализм, Серебряный век, порубежная эпоха, мироздание.

Информация об авторе: Сергей Михайлович Заяц — доктор филологических наук, доцент, Приднестровский государственный университет, ул. 25 Октября, д. 128, MD-3300 г. Тирасполь, Республика Молдова. E-mail: smz67@mail.ru

Дата поступления статьи: 27.08.2019

Дата публикации: 28.03.2020

Для цитирования: Заяц С. М. Волошинский текст на стыке символизма и неореализма // Вестник славянских культур. 2020. Т. 55. С. 146–150. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-146-150

Творчество Максимилиана Волошина уникально, и потому исследование его художественных текстов дает новые возможности в познании литературного процесса порубежной эпохи, которую принято называть Серебряным веком.

Максимилиан Волошин был частью этой эпохи. Показательно, что годом своего духовно рождения он считал 1900 г., когда умер великий русский философ Владимир Соловьев, фактически первый оригинальный русский мыслитель, построивший свою систему философских ценностей. Идеи Соловьева оказали существенное влияние на развитие русской философской и поэтической мысли. Практически весь русский символизм строился на философской системе Вл. Соловьева. К символизму, в котором было влияние религиозно-философской мысли, и примыкал М. А. Волошин в начале своего творческого пути. Символизм для поэта представлял собой «право голоса», право личности сказать свое слово о мироздании.

Это была эпоха враждующих философских и литературных группировок. Волошин, по свидетельству Андрея Белого, «входил во все тонкости... кружков, рассуждая,

читая, миря, дебатирюя, быстро осваиваясь с деликатнейшими ситуациями, создававшимися без него, находя из них выход, являясь советчиком и конфедератом, <...> умел мягко, с достоинством сглаживать противоречия; ловко парируя чужие мнения, вежливо он противопоставлял им свое: проходил через строй чужих мнений собою самим, не толкаясь...» [1, с. 251]. Максимилиан Волошин излагал свои взгляды в корректной форме, «он всем видом своим заявлял, — писал Андрей Белый, — что проездом, что — зритель он: весьма интересной литературной борьбы; что при всем уважении к Брюсову, с ним не согласен он в том-то и в том-то; хотя он согласен: в том, в этом; такой добродушный и искренний жест примирял; дерзость скромная не зашибала...» [1, с. 251].

Во взглядах и художественных поисках М. А. Волошина не было полного совпадения с символистами. Ему был чужд их призыв к абстрактному, лишенному соотношения с действительностью слову.

В вашем мире я — прохожий, / Близкий всем, всему чужой [2, с. 23].

Действительно, М. А. Волошин был близок многим символистам, но чужд их поэтическим исканиям. Не без иронии он говорил Валерию Брюсову: *Мне так радостно и ново / Все обычное для вас — / Я люблю обманность слова / И прозрачность ваших глаз, / Ваши детские понятия / Смерти, зла, любви, грехов — / Мир души, одетый в платье / Из священных, лживых слов* [2, с. 24].

«Быть символистом, значит, в обыденном явлении жизни провидеть вечное, провидеть одно из проявлений музыкальной гармонии мира.

Символ всегда переход от частного к общему. Поэтому символизм неизбежно зиждется на реализме и не может существовать без опоры на него» [3, с. 446]. Определяющим моментом творческого процесса Максимилиана Волошина осталось изучение объекта, а затем уже вызванного им впечатления. Поэт подчинил импрессионистические приемы реалистическим требованиям. Он проникся уверенностью в том, что «реализм — это вечный корень искусства, который берет свои соки из жирного чернозема жизни» [3, с. 447]. Это разговор о новом методе изображении — неореализме, который начинает свою творческую эволюцию именно в начале XX столетия.

Конечно, Волошина трудно отнести к какому-либо методу. Например, с символизмом его связывало стремление к мифотворчеству, глубокое проникновение в народнопоэтическую традицию, создание универсального религиозного мифа, что выразилось в его увлечении теософией Рудольфа Штайнера. Кроме того, символизм предлагал борьбу за новое формотворчество, выраженное в развитии «свободного стиха». Одним из сотворцов свободного стиха мы вправе называть Волошина. В стихотворении, обращенном к Ю. Балтрушайтису, он писал: *К твоим стихам меня влечет не новость, / Не яркий блеск огней: / В них чудится унылая суровость / Нахмуренных бровей. // В них чудится седое безразличье, / Стальная дрема вод, / Сырой земли угрюмое величье / И горько сжатый рот* [2, с. 28].

«Не игра формой, не броскость поэтических красок, а углубленность мысли, близость к природе, умение страдать и сопереживать страданию, умение пренебрегать маловажным — вот чего Волошин ждет от философской поэзии. Эти принципы он последовательно воплощал и сам» [4, с. 21].

Можно смело утверждать, что формотворчество Волошина, его работа с художественным текстом в первую очередь опирается на мысль, на способность к сотворчеству с мирозданием. Это сближало с символизмом, в котором «каждый человек — одна из букв неразгаданного алфавита. Вечный и неизменный мир, таинственно постигаемый душою художника, здесь находит себе отображение лишь в текущих и преходя-

щих формах: люблю человека за то, что он смертен, ибо смертность его здесь — знак бессмертия, люблю мгновение, потому что оно проходит безвозвратно и безвозвратностью своей свидетельствует о вечности, люблю жизнь, потому что она меняющийся, текущий, неуловимый образ той вечности, которая сокрыта во мне: и путь постижения вечного лежит только через эти призрачные реальности мира» [3, с. 61].

Но познание ликов могло происходить в полной мере уже в том методе, который Волошин обозначит другим словом. «В нео-реализме, — писал художник, — каждое явление имеет самостоятельное значение, из-под каждого образа сквозит дно души поэта, все случайное приведено в связь не с логической канвой события, а с иным планом, где находится тот центр, из которого эти события лучатся; импрессионизм как реалистический индивидуализм создал основу и тон для этой новой изобразительности.

Я изображаю не явления мира, а свое впечатление, получаемое от них. Но чем субъективнее будет передано это впечатление, тем полнее выразится в нем не только мое «я», но мировая первооснова человеческого самосознания, тот, кто у Анри де Ренье держит «двойной лук и двойной факел и кто есть божественно — мы сами».

Вот логический переход от импрессионизма к символизму: впечатление одно говорит о внутренней природе нашего Я, а мир, опрозраченный сознанием человеческого Я, становится одним символом.

«Все преходящее есть символ». Поэтому надо любить в мире именно преходящее, искать выражение вечного только в мимолетном. Все имеет значение. Нет случайного и неважного. Каждое впечатление может послужить дверью к вечному» [3, с. 62].

Итак, символизм есть предтеча неореализма, но и его необходимая ступень, без которой не произойдет узнавание ликов мироздания. Максимилиан Волошин тонко чувствовал мир искусства, но, обращаясь к искусству, к культуре, он чутко улавливал голос, обнаженный нерв эпохи и творческой личности. Для него были близки все эпохи, в которых человек творил свой миф о себе. Марина Цветаева вспоминала: «Макс о событиях рассказывал, как народ, а об отдельных людях, как о народах. Точность его живописания для меня всегда была вне сомнения, как несомненна точность всякого эпоса. Ахилл не может быть не таким, иначе он не Ахилл. В каждом из нас живет божественное мерило правды, только перед коей прегрешив, человек является лжецом. Мистификаторство, в иных устах, уже начало правды, когда же оно дорастает до мифотворчества, оно — вся правда» [6, с. 247].

Правда всегда на перекрестках мироздания, или «вещих перепутьях», словами Максимилиана Волошина. Каждая эпоха для поэта не только учитель, но и часть его мифа о себе. На это указывал сам художник: «Называя в поздней “Автобиографии” своих учителей, М. А. Волошин отдавал предпочтение не людям, а книгам. По его определению, он учился: “художественной форме — у Франции, чувству красок — у Парижа, логике — у готических соборов, средневековой латыни — у Гастона Париса, строю мысли — у Бергсона, скептицизму — у Анатоля Франса, прозе — у Флобера, стиху — у Готье и Эредиа...”» [3, с. 560].

Безусловно, стремление к универсальности, к христианской сотериологии и эсхатологии вырабатывали в поэте четкое понимание, что следование традиции есть глубокое проникновение в мифологию и предание. Рождалось новое поэтическое слово на хорошо забытом старом, если следовать терминологии Екклесиаста. Фольклорные и библейские традиции сливались в художественном тексте Волошина, достигая своеобразного взгляда на мироздание. «Максимилиан Волошин являет собой редчайший пример житнетворчества: основа жизни и линия поэзии сливаются у него в одно целое, и целое это — подвиг христианской любви к людям, к России» [5, с. 647].

Таким образом, творчество Максимилиана Волошина представляет собой не просто перекресток литературных направлений и методов изображения, но своеобразный путь познания действительности, познания Божественной реальности, или ирреальности, которая для поэта являлась истиной. В этом отношении интересно проследить эволюцию волошинских текстов: «Годы странствий» начала века завершает поэма «Серафим Саровский», и стихотворение, близкое к жанру поэмы, «Владимирская Богоматерь», созданная в 1929 г. Поэтический мир сливается с жизнью, в которой каждое мгновение отражает вечность. Собственно, Волошин изначально нащупывал свой путь к звездам, который не бывает у поэта без терний, и этот путь проходил на стыке символизма и неореализма, мифотворчества и жизнотворчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Белый А.* Начало века. Серия литературных мемуаров. М.: Худож. лит., 1990. 687 с.
- 2 *Волошин М.* Избранное: Стихотворения, воспоминания, переписка / сост., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. З. Давыдова, В. Купченко. Минск: Мастацкая літаратура, 1993. 479 с.
- 3 *Волошин М. А.* Лики творчества / изд. подгот. В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров; вступит. ст. С. Наровчатов. Л.: Наука, 1988. 848 с.
- 4 *Менделевич Э.* История в поэтическом мире Максимилиана Волошина. Орел: Издатель Александр Воробьев, 2005. 221 с.
- 5 *Пинаев С. М.* Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог. М.: Молодая гвардия, 2005. 611 с.
- 6 *Цветаева М. И.* Проза // Живое о живом. Кишинев: Лумина, 1986. 544 с.

***

© 2020. **Sergey M. Zayats**
Tiraspol, Republic of Moldova

VOLOSHIN'S TEXT AT THE JUNCTION OF SYMBOLISM AND NEOREALISM

Abstract: The paper looks at the work of the Silver Age poet, who entered Russian literature of the twentieth century “as a God who forgot himself” and examines the texts of Maximilian Voloshin to be found at the junction of a literary direction (symbolism) and a method of depicting reality (neorealism). The author shows the spiritual path of Maximilian Voloshin at the “prophetic crossroads” of the turn of the century epoch, when the text and life merged into one and vice versa and displays the poet’s myth-making process acting as the essence of his poetic worldview. The latter serves as a pattern, representative of the whole Silver Age era at the same time preserving the originality and uniqueness of his creator’s view of the world.

Keywords: Voloshin's text, form-making, co-creation, symbolism, neo-realism, Silver Age, turn of the century epoch, the universe.

Information about the author: Sergey M. Zayats — DSc in Philology, Associate Professor, Transnistrian State University of T. G. Shevchenko, 25 October St. 128, MD-3300 Tiraspol, Republic of Moldova. E-mail: smz67@mail.ru

Received: January 07, 2019

Date of publication: March 28, 2020

For citation: Zayats S. M. Voloshin's text at the junction of symbolism and neorealism. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 55, pp. 146–150. (In Russian) DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-146-150

REFERENCES

- 1 Bely A. *Nachalo veka. Seriya literaturnykh memuarov* [The beginning of the century. A series of literary memoirs]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1990. 687 p. (In Russian)
- 2 Voloshin M. *Izbrannoe: Stikhotvoreniia, vospominaniia, perepiska* [Favorites: Poems, memoirs, correspondence], drafting, text preparation, introductory article and comments by Z. Davydova, V. Kupchenko. Minsk, Mastatskaia litaratura Publ., 1993. 479 p. (In Russian)
- 3 Voloshin M. A. *Liki tvorchestva* [Faces of creativity], edition prepared by V. A. Manuilov, V. P. Kupchenko, A. V. Lavrov; introductory article by S. Narovchatov. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 848 p. (In Russian)
- 4 Mendelevich E. *Istoriia v poeticheskom mire Maksimiliana Voloshina* [History in the poetic world of Maximilian Voloshin]. Orel, Izdatel' Aleksandr Vorob'ev Publ., 2005. 221 p. (In Russian)
- 5 Pinaev S. M. *Maksimilian Voloshin, ili Sebia zabyvshii bog* [Maximilian Voloshin, or God who forgot himself]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2005. 611 p. (In Russian)
- 6 Tsvetaeva M. I. *Proza* [Prose]. *Zhivoe o zhivom* [Zhivoe o zhivom]. Kishinev, Lumina Publ., 1986. 544 p. (In Russian)